

Продовольственное снабжение рабочих Новосибирска в годы войны (1941–1945): механизмы материального поощрения

Статья посвящена выявлению эффективности механизмов материального поощрения в сфере нормированного продовольственного снабжения рабочих советской промышленности в годы Великой Отечественной войны. На материалах Новосибирска показано, что дифференцированные по социально-производственному принципу карточные пайки способствовали поступлению населения на ведущие оборонные предприятия СССР, а дополнительное питание – росту производительности труда. Сделан вывод о противоречивом характере натурального стимулирования промышленного персонала в крупных тыловых городах страны в первой половине 1940-х годов. Этот процесс побуждал его кадровое ядро к перевыполнению норм выработки, но не закреплял на производстве новую рабочую массу, состоявшую в основном из молодежи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, промышленные рабочие, продовольственное снабжение, механизмы материального поощрения.

В годы Великой Отечественной войны в советской промышленности получила распространение система стимулирования персонала, являвшаяся следствием государственной политики по созданию и развитию военной экономики. Основу этой системы составляли материальные поощрения и взыскания в денежной и натуральной форме. Денежные стимулы были представлены, прежде всего, заработной платой, натуральные – дефицитными жизненными благами. В связи со снижением реального заработка и обострением дефицита на первый план в формировании трудовой мотивации выходило нормированное снабжение. Ключевую роль в нем играло распределение продовольствия, от потребления которого зависела физическая способность работника к производственной деятельности. В силу локализации оборонного производства преимущественно в тыловых городах страны влияние этого фактора на рабочих следует рассматривать в рамках военно-промышленных «мегаполисов», сложившихся на широком пространстве – от Волги до Байкала и Ташкента. В Сибири самым крупным из них являлся Новосибирск, где базировался ряд ведущих предприятий оборонпрома СССР, занимавших важное место в кооперации по выпуску продукции для фронта. В этих условиях новосибирская «оборонка» и смежные с ней отрасли превратились в одну из точек концентрированного приложения социально-трудовой политики советского государства. Ее особенностью было использование продовольственного снабжения в качестве совокупности механизмов поощрения рабочих.

В новейшей отечественной историографии существуют два противоположных взгляда на материальное стимулирование в рассматриваемый период. С

точки зрения В.А. Сомова, проанализировавшего протестные настроения рабочих, служащих и колхозников Волго-Вятского региона, денежное и натуральное вознаграждение по существу не влияло на трудовую мотивацию¹. По мнению А.В. Шалака, изучившего сферу нормированного распределения Восточной Сибири, это вознаграждение, напротив, служило одним из стимулов к производственной деятельности. Исследователь констатировал наличие в советском тылу «вполне работающей системы мер материального воздействия, имеющих отношение прежде всего к высококвалифицированному труду»². Ее неотъемлемой частью являлось обеспечение работников ведущих отраслей народного хозяйства продовольственными товарами. Данный аспект подробно отражен также в работах историков, прямо или косвенно занимавшихся изучением проблем повседневной жизни тружеников тыла³. Наличие различных оценок в научной исторической литературе вызывает особый интерес к изучению мотивационных «компонентов» трудовой деятельности в условиях военного времени.

Методологической базой исследования является концепция о трех универсальных факторах трудовой мотивации – вознаграждении, побуждении и принуждении. К вознаграждению и побуждению относились материальные и моральные поощрения, принуждению – наказания. Система нормированного снабжения также функционировала как совокупность поощрительных и санкционных механизмов. В данной статье осуществляется выявление эффективности механизмов поощрения занятости и высокопроизводительного труда, действовавших в сфере продовольственного снабжения рабочих новосибирской промышленности в годы войны.

В первой половине 1940-х годов Новосибирск стал одним из крупнейших индустриальных центров сибирского тыла. В 1941–1943 гг. численность промышленных рабочих города увеличилась с 36,2 до 97,6 тыс. чел., а к 1945 г. – сократилась до 88,7 тысяч⁴. Ее прирост произошел за счет вовлечения в производство эвакуантов, незанятых местных горожан, выходцев из сельских районов, освобожденных от воинской службы призывников, спецконтингентов. Эти людские ресурсы служили социальной базой для роста кадрового потенциала заводов и фабрик. Новые кадры оказались на острие политики отраслевых нар-

¹ *Сомов В.А.* Материально-бытовые факторы мотивации труда в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2011. № 1. С. 230–236; Он же. Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского района) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.

² *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.

³ *Бужин С.С., Тепляков А.Г.* Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблема труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34; *Шалак А.В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998; и др.

⁴ *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 413.

коматов и заводских дирекций по материальному стимулированию персонала. В частности, в центре нашего внимания находится основная масса рабочих предприятий Новосибирска, кроме спецконтингентов, не включенных в общую систему карточного обеспечения гражданского населения.

В военное время значение натурального вознаграждения за труд заметно возросло, что обуславливалось, прежде всего, огромной инфляцией в сфере рыночной торговли. На фоне сохранения стабильных цен в системе нормированного снабжения стоимость продуктов питания на городских базарах существенно выросла. С октября 1941 по май 1943 г. на колхозных рынках Новосибирска она увеличилась в 14–19 раз. Если осенью 1941 г. на зарплату в 400–500 руб. горожане могли купить, например, от 150 до 187 кг картофеля, то весной 1943 г. на заработок в 567 руб. – 12,6 килограмма. В конце войны в связи с понижением рыночных цен возможности по приобретению продовольственных товаров заметно расширились. В апреле 1945 г. работающие новосибирцы могли рассчитывать на покупку 63 кг картофеля⁵. Однако их покупательная способность была в несколько раз ниже, чем в первую военную осень.

Другая причина ощутимой потери реальной заработной платы заключалась в значительном повышении налогов и госзаймов. Если в 1940 г. из заработка рабочего советской авиационной промышленности в 473 руб. удерживалось 45 руб. (9,5 %), то в 1944 г. – 686 и 192 руб. (28,0 %). В связи с этим, номинальный заработок вырос на 45 %, а реальный (без учета инфляции) – на 15,3 процента⁶. В новосибирском авиапроме данные показатели составили 82,0 и 44,6 процентов⁷. В результате фискальный пресс «съел» более половины прироста трудовых доходов рабочих.

Падение роли денег в жизнеобеспечении городского населения привело к снижению в его глазах привлекательности зарплаты. Материальное стимулирование занятости в советской промышленности осуществлялось за счет снабжения по карточкам. В Новосибирске карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия были введены с 1 сентября, на мясо, рыбу, жиры, крупу и макароны – с 1 ноября 1941 года. Стимулирующий эффект карточной системы коренился в том, что каждый горожанин включался в одну из четырех категорий – рабочие и инженерно-технические работники (ИТР), служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Кроме того, заводской персонал подразделялся на работников основного производства и обслуживающих организаций. Каждой из этих категорий продукты питания выдавались по определенным нормам: хлеб – от 400 до 500–800 г (в сутки), кон-

⁵ Подсчитано по: Букин С.С., Тепляков А.Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблема труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). С. 24; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Сб. документов. М., 2003. С. 237.

⁶ Подсчитано по: Советская повседневность и массовое сознание. С. 235; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

⁷ Подсчитано по: Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. С. 415–416.

дитерские изделия – от 400 до 600–800 г, мясо и рыба – от 400 до 1800–2200 г, крупа и макароны – от 600 до 1200–1500 г, жиры – от 200 до 400–600 г (в месяц)⁸. Наиболее весомые пайки получали рабочие и ИТР, наименее – неработающие горожане. При дефиците продовольствия существенная разница в нормах потребления способствовала привлечению на производство трудовых ресурсов из городов и рабочих поселков. Колхозники при поступлении на предприятия получали доступ к системе снабжения, не распространявшейся на основную массу селян.

В первые два года войны в промышленность Новосибирска поступили крупные контингенты рабочей силы. Во втором полугодии 1941 – 1943 г. предприятия города приняли более 100 тыс. человек⁹. Более половины из них составляла молодежь, для которой стремление к обладанию наиболее весомым пайком служило серьезным стимулом к трудоустройству. По сведениям на июль 1942 г. в Новосибирске на карточном снабжении находилось около четверти миллиона рабочих¹⁰. Следовательно, этот стимулирующий механизм распространялся на многочисленный контингент занятого населения.

В чем же заключалась привлекательность карточной системы, побуждавшей людские массы к занятости? В военное время между ведомственными магазинами, где отоваривались карточки, и колхозными рынками существовала огромная разница в уровне розничных цен. В 1942 г. стоимость нормированной продуктовой корзины рабочего оборонного завода в магазинах Новосибирска составляла от 32 до 47 руб., на базарах – от 1565 до 1703 руб., в 1944 г. – от 32 до 41 руб. и от 1405 до 1805 рублей¹¹. На отоваривание одной карточки в 1944 г. уходило от 7,1 до 9,2% реальной зарплаты новосибирца (480 руб.). На приобретение неполного пайка по рыночным ценам потребовалось бы три – четыре месячных заработка. Отсутствие инфляции в сфере распределения позволяло труженикам выкупать минимальный продовольственный набор при незначительных затратах. В 1944 г. рабочая семья, имевшая широкий спектр расходов величиной около одной тысячи рублей в месяц, получила по карточкам 88,6 % хлеба и хлебопродуктов, 75,9 % кондитерских изделий, 62,5 % сахара, 53,9 % жиров, 31,6 % рыбы и рыбопродуктов, 16,4 % мяса и мясопродуктов¹². Благода-

⁸ Букин С.С., Тепляков А.Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). С. 8.

⁹ Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. С. 156; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1187. Л. 68.

¹⁰ ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 60.

¹¹ Подсчитано по: Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сборник науч. тр. Вып. II. Новосибирск, 2004. С. 116–117.

¹² Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. С. 116.

ря этому удалось избежать смертельного голода, подобного ленинградскому¹³ и грозившего остановкой оборонных предприятий. Сохранялась и значительная часть заработка для оплаты жилья, коммунальных услуг, мест в детских садах, починки одежды и обуви.

Но не стоит переоценивать карточки как стимул, которого хватало лишь для удержания военно-промышленного производства от полной дезорганизации. Они обеспечивали минимальные нормы потребления, часто не выдерживавшиеся из-за перебоев в поставках продовольствия, воровства и махинаций работников торговли и общепита. Труженики новосибирских предприятий получали низкокалорийное питание, приводившее к недоеданию и иногда серьезным заболеваниям. Например, с 1942 по 1944 г. в столовых завода № 69 Наркомата вооружения (НКВ) калорийность одного обеда выросла 335 до 440 килокалорий¹⁴. При трехразовом употреблении пищи вместе с хлебным пайком общий рацион едва достигал физиологического минимума взрослого человека (1800–2000 ккал). Осенью 1943 г. кризис потребления был усугублен снижением «лимитов» для рабочих тяжелой промышленности с 800 до 600 г хлеба¹⁵, а также инфляционным максимумом военных лет.

Недостаточное питание негативно отражалось на трудовой мотивации новосибирских рабочих. Заводская молодежь в подобной ситуации была ориентирована на девиантное поведение. В конце 1942 г. инструктор Новосибирского обкома комсомола Хесина констатировала, что среди юных тружеников завода № 564 НКБ «появились разговоры и толкования, [что] если не создадут условий, убежим, и случаев побега очень много»¹⁶. 2 декабря 1944 г. учащиеся ремесленного училища № 3 написали письмо на имя первого секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) Г.М. Асланова. В нем подростки сформулировали весьма однозначную позицию: «Кормят плохо, а комиссия от вас приходила, для их готовят отдельно. Наше не видят. ... Если непоможете будем уходить домой»¹⁷. Декларируемая поведенческая стратегия нередко выливалась в массовые побеги с предприятий. Только за 1943–1944 гг. в Новосибирске с места работы самовольно ушли 30 тыс. человек. Основная масса «дезертиров» состояла из юношей и девушек, не имевших привычки к производственной дисциплине.

Иную реакцию вызывал недостаток продовольствия у кадрового персонала. В их среде самовольные уходы являлись более редкими, чем среди рабочей молодежи. Данное явление объяснялось необходимостью заботиться о семье и чувством солидарности с заводским коллективом. Но эти жизненные

¹³ Начало массового голода в блокадном Ленинграде было связано со снижением норм выдачи хлеба рабочим и ИТР до 250 г., иждивенцам и детям – до 125 грамм. Ленинградцы фактически не получали продуктов питания, кроме мизерного хлебного пайка.

¹⁴ *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

¹⁵ *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 111.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60.

установки не исключали попыток трудящихся обратить внимание партийных функционеров на тот факт, что нехватка пищи отрицательно влияла на выполнение норм выработки. По итогам проверок комбината № 179 НКБ инструкторы Новосибирского обкома ВКП(б) зафиксировали следующие высказывания: «Я могу выдать 200, 300 и 500 % нормы за смену, только питание надо улучшить» (токарь Куребин); «Я дам и 500 % нормы после улучшения питания в столовой. А то приходится за 15–18 часов есть один раз, и то чай или суп» (токарь Бутенко)¹⁸. Следовательно, опытные рабочие рассматривали решение продовольственной проблемы как фактор повышения производительности труда.

Для создания необходимого стимулирующего эффекта советское правительство усилило дифференциацию продовольственного снабжения. К концу 1941 г. в производственной сфере Новосибирска были введены пять нормативов выдачи продуктов питания: нормы промышленности, транспорта и связи, особого списка, повышенные и особо повышенные¹⁹. Нормы особого списка распространялись на оборонные и смежные с ними отрасли, повышенные и особо повышенные – на работников ведущих профессий, горячего и вредного производства. Последние два норматива предусматривали выдачу 1000 и 1200 г хлеба в день, 3200 и 4500 г мяса и рыбы, 900 и 1000 г жиров, 2000 и 3000 г крупы и макарон в месяц²⁰. Например, на заводе № 759 Наркомата химической промышленности (НКХП) рабочим, трудившимся в опасных для здоровья условиях, полагался килограмм хлеба в день. С 25 ноября 1943 г. на фоне уменьшения хлебного пайка заводчан до 600 г на «вредности» его вес был установлен на уровне 700–800 грамм. Эту надбавку получали 49 человек²¹, подвергавшихся наиболее негативному воздействию техногенной среды.

Существенную роль в создании мотивации к высокопроизводительному труду сыграло дополнительное питание, введение которого началось с мая 1942 года. В его меню включались вторые блюда и порции хлеба, выдававшиеся за перевыполнение задания по талонам, не включенным в карточку. В октябре 1942 г. правительство предоставило директорам предприятий право обеспечивать лучших тружеников горячими обедами, картофелем, овощами, яйцами, молочными и другими продуктами за счет подсобных хозяйств. На новосибирском заводе № 617 Наркомата электропромышленности (НКЭП) стахановцам полагалось два отдельных блюда при условии достижения средних показателей по выпуску высококачественных изделий, сокращения брака ниже допустимого уровня, безаварийной эксплуатации оборудования. На таком обслуживании находилось семьсот рабочих и ИТР, завоевавших почетное звание «стахановца»²².

¹⁸ Цит. по: *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 365–366.

¹⁹ *Орлов И.Б.* Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 39.

²⁰ *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. С. 322.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 13. Л. 8, 9.

²² ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 8. Л. 53, 54.

В первом полугодии 1943 г. в оборонной, машиностроительной, металлургической и химической индустрии Новосибирска стала внедряться прогрессивная система стахановского питания. На заводе «Труд» Наркомата цветной металлургии (НКЦМ) каждый рабочий за выработку от одной до двух норм получал дополнительно один талон на сто грамм хлеба, свыше двух норм – два²³. На комбинате № 179 НКБ стограммовой прибавкой награждался каждый стахановец, выполнявший план на 100 %, двухсотграммовой – свыше 100 %. В отдельных цехах к хлебной «премии» выдавалось также одно горячее блюдо. В 1944 г. стахановцы комбината в качестве второго горячего питания получили 4265,7 тыс. блюд и 1658,6 тыс. стограммовых порций хлеба²⁴. Каждый день этими видами поощрений в среднем было охвачено соответственно 11,7 и 4,5 тыс. рабочих. На заводе № 759 НКХП цеховым коллективам ежемесячно за первые места в соцсоревновании вручались по двести – триста талонов на основные продукты из дополнительных фондов²⁵. В целом по новосибирской промышленности эти стимулирующие мероприятия приобрели значительные масштабы.

Продовольственное поощрение, зависевшее от производительности труда, нашло значительный отклик в рабочей среде. В этом смысле ярким примером являлось крупнейшее в СССР предприятие по выпуску боеприпасов, базировавшееся в Новосибирске. Благодаря данному стимулу на комбинате № 179 НКБ начали проводиться конкурсы стахановских рекордов. Так, в цехе № 5 станочник Чернов увеличил выпуск деталей за смену со 180–200 до 420–500, станочник Казанцев – с 200–240 до 320–360. В среднем выполнение норм выработки в цехе выросло на 10–15 процентов²⁶. Его повышение было отчасти вызвано развитием движения многостаночников. Если в мае 1943 г. по два станка и более обслуживали 52 чел., то в сентябре – 208 человек²⁷. Улучшение ряда показателей сопровождалось уменьшением на предприятии удельного веса не выполнявшего план персонала: с 25 % в четвертом квартале 1942 г. до 15 % в четвертом квартале 1943 года²⁸. Производственные успехи свидетельствовали о том, что многие рабочие положительно реагировали на дополнительное питание, организованное для стахановцев и ударников.

К концу войны положение с обеспечением горожан продовольствием немного улучшилось. Наряду со спадом рыночных цен, данное явление было вызвано введением в апреле 1944 г. государственной коммерческой торговли. В коммерческих магазинах продовольственные товары стоили дороже нормированных пайков, но гораздо дешевле, чем на базаре. «Средние» цены на продукты питания позволили усилить роль заработка в стимулировании рабочих. Но этот эффект заметно снижался из-за дефицита и фискальных платежей. С одной

²³ ГАНО. Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 116. Л. 78.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 175. Л. 36.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 12. Л. 124.

²⁶ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 10, 11.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 2, 7.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

стороны, для коммерческой торговли, также, как и нормированной, было характерно существенное превышение спроса над предложением. С другой стороны, к 1944–1945 гг. налоги и займы военного времени достигли максимума. Данные обстоятельства не позволили советскому государству в это время отказаться от карточно-талонной системы. Последняя сохраняла влияние на трудовую мотивацию заводского персонала до отмены в 1947 году.

Насколько же эффективно действовавшие в военно-промышленных «мегаполисах» советского тыла механизмы нормированного снабжения выполняли функцию материальных стимулов к производственной деятельности? Ответ на этот вопрос, поставленный в начале исследования в свете заочной дискуссии современных российских историков В.А. Сомова и А.В. Шалака, представляется неоднозначным. Карточная система, отдававшая приоритет при формировании продуктовой корзины рабочему классу, безусловно, позволила привлечь на ведущие предприятия по выпуску вооружения и боеприпасов значительные людские ресурсы. Но ее ресурсного потенциала не хватало для того, чтобы удержать у станка новые кадры, состоявшие преимущественно из молодежи. Продовольственный кризис порождал пассивный протест среди юных заводчан, приводивший к крупномасштабному «дезертирству с трудового фронта». Здесь отчасти можно согласиться с выводами В.А. Сомова, считавшего материальное стимулирование в годы войны малорезультативным.

Но у сложившейся на оборонном производстве социально-трудовой ситуации существовала и обратная сторона. В первую очередь, она заключалась в спасении рабочих от смертельного голода, способного вызвать хаос в военной экономике. Кроме того, удалось сохранить бюджет семей кадровых производственников, тем не менее, требовавших улучшения снабжения. Данные сигналы, очевидно, были услышаны государственной властью. Об этом свидетельствовало усиление дифференциации продуктового обеспечения и введение дополнительного питания, побуждавших передовиков к перевыполнению норм выработки. Подобная реакция «рабочей аристократии» на острую продовольственную проблему подтверждает правомерность тезиса А.В. Шалака о «работающей системе мер материального воздействия» применительно к высококвалифицированному персоналу.

Таким образом, документы заводов оборонного значения, базировавшихся в Новосибирске, свидетельствуют о противоречивом характере натурального стимулирования промышленных рабочих крупных тыловых городов СССР. С одной стороны, оно не позволяло прочно закрепить на стратегически важных предприятиях мобилизованные трудовые ресурсы. С другой стороны, продовольственное поощрение создавало условия для повышения производительности труда в среде опытных производственников. Полученные выводы подводят к сбалансированной оценке эффективности материальных стимулов военного времени, вносящей коррективы в сложившуюся вокруг данной проблемы историографическую ситуацию.

Библиография

- Букин С.С.* Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны. Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сборник науч. тр. Вып. II. Новосибирск, 2004. С. 104–129.
- Букин С.С., Теляков А.Г.* Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблема труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34.
- Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. 376 с.
- Орлов И.Б.* Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42.
- Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 317 с.
- Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.
- Сомов В.А.* Материально-бытовые факторы мотивации труда в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2011. № 1. С. 230–236.
- Сомов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского района) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.
- Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.
- Шалак А.В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998. 181 с.
- Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. 448 с.
- Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. 180 с.